

TYPOLOGY
AND
LINGUISTIC THEORY

FROM DESCRIPTION TO EXPLANATION

FOR THE 60TH BIRTHDAY OF ALEKSANDR E. KIBRIK

EDITED BY EKATERINA V. RAKHILINA AND YAKOV G. TESTELETS

«LANGUAGES OF RUSSIAN CULTURE»

Moscow 1999

ТИПОЛОГИЯ
И
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

ОТ ОПИСАНИЯ К ОБЪЯСНЕНИЮ

К 60-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА ЕВГЕНЬЕВИЧА КИБРИКА

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1999

ТРИ АХИЛЛЕСОВЫ ПЯТЫ ФУНКЦИОНАЛИЗМА

А. А. Кибрик

(Институт языкознания РАН, Москва)

Вводные замечания

В современной лингвистике достаточно четко выделяется течение, именуемое *функционализмом*. Функционализм основан на идее, что языковая форма не абсолютно произвольна, а мотивирована функционированием языка (как средства коммуникации и как средства хранения информации). В отечественной лингвистике уже на протяжении 20 лет в качестве последовательного теоретика и практика функционализма выступает А. Е. Кибрик (см., например [Кибрик А. Е. 1980; 1983; 1989]). Автор настоящего очерка также является сторонником функционализма. В этом очерке я хотел бы указать на несколько «трудных» вопросов, связанных с исследовательской программой функционалистов.

Понятно, что эта исследовательская программа чрезвычайно амбициозна: функционалист берет на себя обязательство не только регистрировать языковые факты, но и объяснять их, причем столь зыбкими субстанциями, как языковые функции. Функционализм поэтому чрезвычайно уязвим для критики. Предположим, функционалист объясняет «прагматический» порядок слов славянских языков когнитивным принципом типа «тема вначале». Критикующий его формалист или просто скептик легко может спросить: а почему в оджибва [Tomlin and Rhodes 1979] порядок слов устроен ровно обратным способом? Это что — исключение? Или у индейцев оджибва другое когнитивное устройство? А не лучше ли считать, что просто есть «параметр» порядка слов, который «устанавливается» у ребенка по мере того, как он усваивает язык?

Не лучше. Но тем не менее уйти от трудных вопросов невозможно, и функционалисты должны ставить их и пытаться искать правдоподобные ответы. В данном очерке обсуждаются три таких вопроса.

1. Большинство обычно склонно к тенденции: права меньшинств в лингвистике

Столь плеонастическое словосочетание, как в заглавии данного раздела, вряд ли реально встречается в лингвистических предложениях. Тем не менее, каждый из

элементов этого словосочетания очень привычен: лингвисты не любят делать категорические утверждения, предпочитают говорить не «все», а «большинство», не «правило», а «тенденция», и т. д. Кроме того, в последнее время лингвисты с легкой руки Э. Рош и Дж. Лакоффа научились уверенно оперировать термином «прототип» и списывать все сложные случаи на отклонения от прототипа. При этом часто забывается, что теория прототипов была изобретена для описания обыденной концептуализации, а не как метод аналитического научного мышления. Представляется, что исключения из правил — это более существенный материал, чем простое отклонение от прототипа; исключения заслуживают внимательного функционального анализа.

В качестве примера рассмотрим морфосинтаксис каузатива в годоберинском языке.

1.1. Доминирующая модель годоберинского каузатива

В годоберинском языке (нахско-дагестанская семья) чрезвычайно продуктивно и регулярно образование каузативных глаголов [Kibrik A. A. 1995]. Это связано с общим свойством нахско-дагестанских языков — предпочтением повышающих переходность (а не понижающих) пропозициональных дериваций [Nichols 1982]. Морфосинтаксическая модель образования каузативных глаголов показана в Таблице 1.

	<i>Исходный глагол</i>	<i>Каузатив от исходного глагола</i>
Основа:	корень	корень + суффикс <i>-ali</i>
Падеж Абсолютива:	Номинатив (- \emptyset)	Номинатив (- \emptyset)
Падеж Агентива:	Эргатив (- <i>di</i>)	Контэссив (- <i>č'u</i>)
Падеж каузатора:	—	Эргатив (- <i>di</i>)
Значение:	'P'	'каузировать P'

Таблица 1.

Примечание. В таблице и ниже используются наименования гиперролей вслед за [Kibrik A. E. 1997].

Рассмотрим примеры — образование каузатива от непереходного глагола, обладающего только валентностью на Абсолютив (1), и от переходного глагола, предполагающего две гиперроли — Агентив и Абсолютив (2).

(1) непереходный глагол: *-ic'i* 'таять'

а. исходный глагол:

LirLi *b- ic'i*.
масло(Ном) III-таять
Масло растаяло.

б. каузатив:

mak'i- di *LirLi* *b- ic'- ali*.
ребенок-Эрг масло(Ном) III-таять-Кауз
Ребенок растопил масло.

(2) переходный глагол: *čibi* 'расплескивать, брызгать'

а. исходный глагол:

mak'i- di ĩeni čibi.
 ребенок-Эрг вода(Ном) брызгать
 Ребенок расплескал воду.

б. каузатив:

ĩnu- di mak'i- č'u ĩeni čib- ali.
 отец-Эрг ребенок-Конт вода(Ном) брызгать-Кауз
 Отец вынудил ребенка расплескать воду.

От простого каузатива легко и предсказуемо образуется второй каузатив:

(1) в. второй каузатив:

ĩlu- di mak'i- č'u ĩirĩi b- ic'- al- ali.
 мать-Эрг ребенок-Конт масло(Ном) III- таять- Кауз-Кауз
 Мать вынудила ребенка растопить масло.

Эта доминирующая модель охватывает большую часть всех словоупотреблений каузативных глаголов. Однако помимо этого большинства имеется и весьма заметное меньшинство, которое нарушает доминирующую модель либо в морфосинтаксическом, либо в семантическом отношении. Несколько случаев таких отклонений рассматриваются ниже; представляется, что каждому из них можно дать прозрачное объяснение.

1.2. Кажущаяся синонимия простого и каузативного глаголов

В некоторых годоберинских глаголах неожиданно обнаруживается явление, которое можно проинтерпретировать как некую семантическую дефектность каузативного суффикса — он как будто ничего не меняет в актантной структуре исходного глагола:

(3) глагол *-una* 'вести'

а. простая переходная форма

hoš-ĩi zini caXaba m-una.
 он-Эрг корова(Ном) прочь III- вести
 Он увел корову отсюда.

б. каузативная форма

hoš-ĩi zini caXaba m-un- ali.
 он-Эрг корова(Ном) прочь III-вести-Кауз
 Он угнал корову отсюда; Он заставил корову уйти отсюда.

Оказывается, причина данной аномалии в том, что глагол *-una* по природе своей — л а б и л ь н ы й, то есть означает 'идти/вести'; аргумент «идуший» (Абсолютив) является неотъемлемым для семантики данного глагола, а аргумент «ведущий» (Агентив) может присутствовать или отсутствовать — ср. (3а) и (3в):

(3) в. простая непереходная форма

zini caXaba m-una
 корова(Ном) прочь III-вести
 Корова ушла отсюда.

Каузативная форма в (3б) является производной от непереходной формы (3в), и этим объясняется квазисинонимия (3а) и (3б). Значение каузатива (3б) все же отличается от значения простой переходной формы (3а). В (3а) речь идет об одной ситуации с двумя участниками ('увел'). Напротив, в (3б) есть две ситуации: каузативный суффикс *-ali* иконически вносит в семантику глагола нюанс внешней каузации, идею особого действия, направленного на создание ситуации 'корова ушла'.

Помимо глагола *-uta*, в годоберинском языке засвидетельствовано еще около десятка лабильных глаголов типа «±агенса», и во всех них особенности каузативных форм отражают семантические особенности исходных глаголов (см. [Kibrik A. A. 1995: 122–125]).

1.3. Асемантический каузатив?

Некоторые нелабильные глаголы также демонстрируют кажущуюся синонимию простых и каузативных форм — ср. пример (2а) выше со следующим:

(2) в. каузативный глагол с некаузативным значением:

<i>tak'i-</i>	<i>di</i>	<i>leni</i>	<i>čib-</i>	<i>ali.</i>
ребенок-Эрг	вода(Ном)	брызгать-Кауз		
Ребенок расплескал воду.				

(Замечу также, что в (2б) отмечено собственно каузативное употребление каузативного суффикса с корнем 'расплескивать'.) Семантическая разница между (2а) и (2в) состоит в следующем: в (2а) речь идет о непроизвольном расплескивании воды, в то время как в (2в) действие целенаправленное. Каузативный суффикс здесь использован в необычной, но вполне объяснимой функции: он обозначает не добавление агенса к исходно агентивной ситуации, а подчеркивает сугубую агентивность агенса, который в исходной ситуации и так был. В терминологии Р. Ван Валина [Van Valin 1993: 41–42] это разница между эффе́ктором (актантом, энергетически выполняющим некоторое действие) и агенсом (эффе́ктором, обладающим свойствами контроля и намеренности). Таким образом, в (2в) каузативный суффикс указывает на переинтерпретацию эффе́ктора как агенса. Это происходит ровно при тех глаголах, которые исходно имеют в своей ролевой рамке эффе́ктор, который может быть, а может и не быть агентивным. При некоторых других глаголах каузативный суффикс также не сопровождается добавлением нового актанта, а обозначает повышенную интенсивность действия; это объяснимо на основе гипотезы семантической переходности П. Хоппера и С. Томпсона [Hoppper and Thompson 1980].

1.4. Случаи блокировки каузатива

В ряде случаев регулярность образования каузатива неожиданно нарушается. Во всех таких случаях можно установить причины отклонения от стандарта. Например, глаголы с корнем, содержащим элемент *-al-* (омонимичный каузативному суффиксу), допускают простой каузатив, но не допускают двойной:

(4) *-ali* 'одевать'

- а. *izu r-ali* 'одежду одел'
 б. *izu r-al-ali* 'одежду [его] одеть.заставил'
 в. *r-al-al-ali*

Очевидно, мы имеем дело с фонологической блокировкой двойного каузатива, который предполагал бы последовательность из трех одинаковых цепочек звуков. Как известно, многие языки обладают фонологическим правилом гаплогонии, которое запрещает повторение одинаковых цепочек звуков.

Вот пример более сложной прагматико-фонологической блокировки каузатива. Согласно стандартным морфонологическим правилам, глагольные корни с назализованной тематической гласной *-ã* при каузативизации оканчиваются не на *-ali*, а на *-ani*. Поэтому от глагола *-ilã* 'готовить (пищу)' должен был бы образовываться каузатив *-ilani* 'вынуждать (кого-то) готовить пищу'. Тем не менее, эта форма табуирована и полностью отсутствует в лексиконе годоберинцев, поскольку она кажется созвучной неприличному глаголу *-ilali* (это, вероятно, тоже окаменевший каузатив).

Наконец, случай синтактико-прагматической блокировки каузатива может быть проиллюстрирован глаголом *-a'aXa* 'сосать (грудь/вымя)'. Это лабильный глагол, но другого типа, нежели рассматривавшийся выше глагол 'идти/вести' (типа ±агенса). Глагол *-a'aXa* относится к лабильным глаголам типа ±пациенса. В годоберинском языке отмечено около дюжины таких лабильных глаголов. Особенность глагола *-a'aXa* состоит в том, что он имеет контэссив (падеж на *-č'u*) в своей исходной падежной рамке (хотя и факультативно). В (5а) видно, как этот падеж употребляется в своем исходном, локативном значении:

(5) а. непереходное употребление

mak'i <*ilu-č'u*> *w-a'aXa*.
 ребенок(Ном) мать-Конт I- сосать
 Ребенок сосал <у матери>.

б. переходное употребление

mak'i- di <*ilu-Li*> *kaka* *b- a'aXa*.
 ребенок- Эрг мать-Ген грудь(Ном) III-сосать
 Ребенок сосал грудь <матери>.

Непереходность глагола в (5а) видна, в частности, по тому, что глагол согласуется с Абсолютивом (в данном случае, агенсом) по мужскому (I-му) классу. В переходном (5б), напротив, согласование с Абсолютивом (пациенсом) — по классу не-людей (III-му). Каузатив от (5а) представлен в (5в):

(5) в. каузатив от непереходного употребления

imu- di <*ilu-č'u*> *mak'i* *w-a'aX- ali*.
 отец-Эрг мать-Конт ребенок(Ном) I- сосать-Кауз
 Отец побудил ребенка пососать (у матери).

Вариация (5в), при которой мать (локатив) одновременно является каузатором, представлена в (5г):

(5) г. каузатив от непереходного употребления

ilu-di mak'i w-a'aX- ali.
 мать-Эрг ребенок(Ном) I- сосать-Кауз
 Мать покормила ребенка (буке. 'побудила ребенка пососать').

В то же время аналогичный каузатив от переходного употребления (5б) затруднен:

(5) е. каузатив от переходного употребления

[?]*ilu-di mak'i- ċ'u kaka b-a'aX- ali.*
 мать-Эрг ребенок-Конт грудь(Ном) III-сосать-Кауз
 *Мать покормила ребенка грудью.

Представляется, что причина неуклюжести (5е) совершенно однозначна и состоит в следующем. Обычно каузативные глаголы наследуют косвенные падежи от своих исходных глаголов; так может наследоваться и контэссив — см. (5в). Так как носитель годоберинского языка привык интерпретировать контэссив при глаголе *-a'aXa* и его дериватах как локатив — существо, чьи грудь или вымя подвергаются сосанию — то и в (5е) именная группа *mak'i-ċ'u* в первую очередь понимается именно так. И лишь потом носитель языка «догадывается», что в данном случае имеет дело с грамматическим контэссивом каузируемого лица. Именно эту извилистую процедуру понимания (5е) и отражают информанты, когда сообщают, что «так не говорят».

1.5. Выводы из годоберинского материала

Очень часто материал, аналогичный приведенному выше, анализируется примерно так. Есть прототипическая модель, и есть отклонения от прототипа. Эти отклонения представляют собой досадное недоразумение, которое тем не менее пренебрежимо мало и не влияет на общую стройную картину. Мне представляется, что исключения из доминирующих моделей не только не пренебрежимы — они едва ли не интереснее с функциональной точки зрения, чем доминирующая модель. Раз язык с его общим стремлением к структурности и унификации сохраняет исключения и отклонения, значит, для этого есть очень веские причины. Обнаружение этих причин представляет собой одну из очевидных областей применения функционального метода.

1.6. Другие примеры

Множество случаев регулярного пренебрежения меньшинством представляет глобальная типология и исследование универсалий. Часто используется различие между универсалиями и фреквенталиями, но теоретический статус этого различия неясен. Если универсалии в какой-то форме отражают фундаментальные свойства когнитивной системы, то что отражают фреквенталии? Преодоление таких фундаментальных свойств какими-то другими факторами? Но что может быть сильнее фундаментальных свойств когнитивной системы?

Например, в типологической работе [Tomlin 1986] формулируются три функциональных принципа, влияющих на базисный порядок слов в языках мира. Су-

шествует шесть теоретически возможных порядков составляющих S, O и V. Эти шесть порядков встречаются с разной частотой: SOV и SVO — наиболее часто, VSO реже, VOS и OVS совсем редко, наконец, OSV практически не встречается. По мысли автора, это количественное распределение может быть объяснено количеством выполняемых функциональных принципов — к примеру, SOV и SVO выполняют все принципы, а OSV — ни одного. Однако чем могут преодолевать функциональные принципы, такие как «тема вначале» или «спаянность глагола и пациенса»? Как целые языковые сообщества могут пользоваться кодами, в которых нарушены столь важные принципы? Хотя альтернативных объяснений указанным количественным закономерностям пока не предложено, объяснение Томлина вряд ли можно признать правдоподобным. В недавней статье [Downing 1995] отмечено, что в разных языках действуют два противоположно направленных когнитивных принципа порядка слов — «тема вначале» и «рема вначале», и в одних языках побеждает один из них, в других — другой. Содержательная интерпретация данного конфликта — одна из ключевых тем современного функционализма.

2. «Я буду нанимать только одноруких советников»: кошмар промежуточных случаев

Эта фраза принадлежит американскому президенту Рейгану, который, как известно, был человеком решительным и уставал от своих академичных советников с их бесконечными «с одной стороны ... с другой стороны» («on the one hand ... on the other hand»).

В предыдущем разделе мы рассмотрели ситуации, в которых есть одна доминирующая, приоритетная модель и отклонения от этой модели. В этом разделе мы рассмотрим несколько более сложный класс случаев: имеет место некоторая языковая оппозиция (формальная, смысловая ...), но условия употребления двух противопоставленных единиц не разделены четко, обнаруживаются промежуточные случаи. Лингвисты полюбили говорить о шкалах и континуумах вместо бинарных оппозиций. Отрицать, что мир во многом (или почти ни в чем) не устроен бинарно, конечно, невозможно. Но признание этого не должно быть просто удобным приемом, освобождающим нас от всякой точности утверждений. В качестве примера рассмотрим знаменитую оппозицию маркеров 3-го лица Пациентива в языке навахо.

2.1. Маркеры *yí-/bi-* и иерархия одушевленности в языке навахо

Навахо — язык с последовательно вершинным маркированием и с местоименными аргументами: всякая глагольная словоформа, независимо от наличия полных ИГ в предикации, содержит местоименные личные префиксы, соотносимые со всеми ядерными (а в некоторых случаях и неядерными) аргументами; именно эти местоименные префиксы, а не факультативные ИГ, представляют собой аргументы предиката. Когда Принципал (в других терминах, подлежащее) предикации — 1-е или 2-е лицо, то Пациентив (прямое дополнение) 3-го лица имеет ну-

левое выражение; если же Принципал — 3-е лицо (выражается нулем), то маркер 3-го лица Пациентива ненулевой и имеет два варианта: *yi-* и *bi-*. Эта система схематически отражена в таблице 2.

Принципал	Показатель 3-го лица Пациентива
1/2 лицо (ненулевые маркеры)	∅
3 лицо (∅)	<i>yi-/bi-</i>

Таблица 2.

К. Хэйл в известной статье [Hale 1973] впервые ввел в лингвистический оборот понятие иерархии: он высказал гипотезу, что распределение маркеров *yi-* и *bi-* зависит от иерархии одушевленности. Кроме того, Хэйл связал употребление двух маркеров с порядком полных ИГ в предикации. Правило Хэйла выглядит так. Когда Принципал (S) превосходит Пациентив (O) по иерархии одушевленности (вида: человек > животное > неодушевленное), то используется структура SO *yi-V*; когда Пациентив превосходит Принципал, используется структура OS *bi-V*, а когда аргументы равны по иерархии, то возможны оба варианта. Таким образом, по Хэйлу, маркер *yi-* всегда соседствует с кореферентной ему ИГ-Пациентивом, а маркер *bi-*, наоборот, всегда отделен от нее ИГ-Принципалом.

2.2. Два полюса и серая зона

В дальнейшем появилось множество работ, исправляющих, уточняющих и дополняющих первоначальную трактовку Хэйла (см. библиографию в [Shayne 1982; Willie 1991]). Корпус примеров, содержащихся в этих работах, очень противоречив. Четко выделяются два полюса, соответствующих явным случаям употребления *yi-* и явным случаям *bi-*. А между ними — серая зона, в которой информанты авторов пугались и колебались. Эти данные подытожены в Таблице 3. (В таблице в круглых скобках указаны номера примеров, иллюстрирующих данную клетку и приведенных ниже; смысл цифр в квадратных скобках будет разъяснен позднее.)

		Пациентив		
		Человек	Животное	Неодушевленное
Принципал	Человек	SO <i>yi-V</i> ~ OS <i>bi-V</i> (6a) (66) [1] [3]	SO <i>yi-V</i> ~ [?] OS <i>bi-V</i> [?] OS <i>yi-V</i> [0] [2]	SO <i>yi-V</i> ~ *OS <i>bi-V</i> (7a) (76) [0]
	Животное	[?] SO <i>yi-V</i> ~ OS <i>bi-V</i> (8a) (86) [?] SO <i>bi-V</i> [2] [4]	SO <i>yi-V</i> ~ OS <i>bi-V</i> [1] [3]	SO <i>yi-V</i> ~ *OS <i>bi-V</i> [0]
	Неодушевленное	[?] SO <i>yi-V</i> ~ OS <i>bi-V</i> [2] [4]	[?] SO <i>yi-V</i> ~ OS <i>bi-V</i> [2] [4]	SO <i>yi-V</i> ~ *OS <i>bi-V</i> [1]

Таблица 3.

- (6) а. *diné 'ashkii yi-dilteeh.* б. *'ashkii diné bi-dilteeh.*
 человек мальчик YI-начинает.нести мальчик человек BI-начинает.нести
 Человек начинает нести мальчика.
- (7) а. *diné tsin naa 'ayítséél.* б. **tsin diné naa 'abiítséél.*
 человек дерево YI:срубил дерево человек BI:срубил
 Человек срубил дерево.
- (8) а. *?tsís 'ná diné yi-shish.* б. *diné tsís 'ná bi-shish.*
 пчела человек YI-ужалила человек пчела BI-ужалила
 Пчела ужалила человека.

Еще до того, как я получил возможность непосредственной работы с навахо, мной была предложена одна возможная интерпретация промежуточных случаев [Кибрик А. А. 1988: гл. 2]. Поскольку противоречивых данных очень много, естественно предположить, что эти противоречия — не следствие ошибок, а отражение объективной неясности того, какой маркер предпочтителен при некоторых сочетаниях факторов. Поэтому весь достаточно большой корпус примеров (несколько десятков примеров) был без всякого предварительного отсеивания принят к рассмотрению. Выяснилось, что и при таком подходе возможна вполне связанная трактовка засвидетельствованных фактов.

2.3. Арифметическая модель

Распределение маркеров *yi-* и *bi-* зависит от двух факторов — соотношения между Принципалом и Пациентивом по: (1) иерархии одушевленности; (2) топиальности. Первый фактор был уже разъяснен выше; топиальность выражается в навахо порядком слов: более топиальная ИГ следует в предикации первой.

Как известно, в языках мира роли, топиальность и одушевленность являются самостоятельными параметрами, но между ними имеются стойкие корреляции. Маркер *yi-* последовательно употребляется, когда имеет место каноническое, стандартное сочетание факторов: Принципал более топиален, чем Пациентив, и превосходит его по иерархии одушевленности. Маркер *bi-* употребляется в предикациях, которые резко отличны от данного прототипа. В промежуточных случаях имеет место варьирование маркеров *yi-/bi-* по идиолектам или отсутствие хорошей вербализации. Чтобы придать понятию «промежуточные случаи» конкретный смысл, была построена следующая арифметическая модель.

- (9) *Штрафы за отход от прототипа*
а. Принципал не является топиком	2
б. Соотношение по иерархии одушевленности:	
Принципал = Пациентив	1
Принципал < Пациентив	2

Распределение маркеров *yi-* и *bi-* в зависимости от «суммарного штрафа» приведено в Таблице 4. В Таблице 3 выше в квадратных скобках была указана сумма штрафа, соответствующая каждой клетке.

Принципал	Соотношение по одушевленности	Пациентив	Суммарный штраф	Местоименный маркер
топик	>	не-топик	0	<i>yi-</i>
топик	=	не-топик	1	<i>yi-</i>
топик	<	не-топик	2	? <i>yi- ~ bi- ?</i>
не-топик	>	топик	2	? <i>yi- ~ bi- ?</i>
не-топик	=	топик	3	<i>bi-</i>
не-топик	<	топик	4	<i>bi-</i>

Таблица 4.

Таким образом, когда отклонение от прототипа отсутствует или минимально (0 или 1), используется немаркированный маркер *yi-*. Когда отклонение очень велико (3 или 4), используется специализированный маркер *bi-*. В промежуточных случаях (суммарный штраф 2) наблюдается разноречивой и грамматикализованного выбора нет. (Отметим, что данная трактовка недостаточна для объяснения одного факта, отраженного в Таблице 3: жесткого запрета на структуру OS *bi-V* — см. правую колонку таблицы; дополнительная особенность пациентивного маркера *bi-* состоит в том, что он не может относиться к неодушевленным референтам.)

2.4. Многофакторные процессы

Насколько мне известно, термин «многофакторный подход» был впервые использован А. Е. Кибриком применительно к методике определения подлежащего по Э. Кинэну [Кибрик А. Е. 1982]. Как стало ясно позднее, данное понятие точно отражает суть многих процессов, связанных с языковыми выборами. Один из таких процессов — выбор между маркерами *yi-* и *bi-* в навахо — был только что рассмотрен. Гораздо более сложная многофакторная модель представлена в работе [Кибрик А. А. 1997], в которой исследуется референциальный выбор в русском дискурсе, т. е. выбор между местоимением и полной ИГ при упоминании референта. В названной работе выделено семь факторов, потенциально влияющих на активацию референта и референциальный выбор, и разработана арифметическая модель, позволяющая в каждом конкретном случае определить количественную равнодействующую этих факторов — так называемый коэффициент активации. Наряду со случаями безусловных местоимений и безусловных полных ИГ в русском дискурсе есть много промежуточных случаев, когда оба варианта возможны. Данная категория случаев также соответствует вполне определенному интервалу на шкале активации референтов.

Проблема промежуточных случаев важна не только для процессов, разворачивающихся в реальном времени (on-line), как рассмотренные выше референциальные процессы. В лексических и грамматических системах (off-line) также могут осуществляться выборы не бинарного, а шкального или континуального характера. Например, в статье [Bybee, Pagliuca, Perkins 1991] рассматриваются пять факторов, влияющих на фузию словоизменяемых морфем с основой, и предлагается количественная модель, аналогичная описанным выше.

3. «А потом она оживилась»: порождение vs. извлечение из памяти

В популярном ныне телесериале про воительницу по имени Зена в одной из серий главная героиня умирает, а затем оживает. Автор был свидетелем разговора во дворе, в котором одна девочка (Эля) пересказывала другой (Нюсе) содержание серии. Эпизод с воскресением Зены был передан так: «А потом она оживилась». Ясно, что это выражение не является нормативным. Однако мы имеем дело не с некой абстрактной языковой системой, которой пользуются абстрактные носители, а с реальным использованием русского языка, от которого невозможно отмахнуться как от простой речевой ошибки или «безграмотности». Такого рода употребления заставляют задаться старым, но до сих пор не решенным вопросом: какие языковые структуры помнятся носителем, а какие порождаются в процессе речи?

Интерес к вопросу о порождении/извлечении готовых форм из памяти периодически привлекает интерес лингвистов; этот вопрос обсуждался и А. Е. Кибриком (статья в печати). Недавно именно с исследованием этого вопроса был связан один из первых собственно лингвистических экспериментов на основе позитронно-эмиссионной томографии (PET): авторы работы [Jaeger et al. 1996] пытались выяснить при помощи этой современной технологии наблюдения за нейронными процессами в мозгу, есть ли разница между обработкой правильных и неправильных английских глаголов. Литературы на данную тему очень много, включая психолингвистические эксперименты в пользу обеих крайних позиций (см., например, [Stemberger, MacWhinney 1988]).

Функционалисты часто склоняются к теории, согласно которой носители помнят все словоизменительные формы и просто извлекают их при необходимости из памяти (ср. обсуждение этой проблемы в книгах [Bybee 1985; Гаспаров 1996]). Данная позиция иногда бывает обусловлена пафосом полемики со сторонниками формальной грамматики, чьи модели обычно порождают все формы. Однако сам факт, что формальные грамматики допускают возможность порождения, не обязательно означает, что функционалисты должны такую возможность отрицать. Пример с формой *оживилась* в смысле 'ожила' заставляет признать, что порождение форм возможно без больших когнитивных усилий, и также легко может производиться и понимание построенных по аналогии форм, которые отсутствуют в стандартном лексиконе. Замечу, что собеседница Эли, Нюся, без видимого труда поняла, что именно произошло с героиней фильма, хотя, как выяснилось позже, и отметила, что словоупотребление *оживилась* было нестандартным, и вместо него следовало бы сказать *ожила*.

Таким образом, данный пример вынуждает предположить, что лексический и грамматический выбор при построении и понимании дискурса происходит в двух параллельных режимах: возможно и использование готовых форм, и одновременное их порождение (может быть, проверка их порождаемости?); ср. [Tuggy 1997]. А когда человек по каким-то причинам (например, неполной языковой компетенции) не располагает необходимой формой, он без труда может породить ее по готовой модели. Кроме того, что этот вывод, как мне кажется, представляет научный интерес, он еще и вселяет некоторый лингвистический оптимизм: если порождение и анализ возможны, значит, они существуют не только в праздном воображении лингвистов.

Оживиться в смысле 'ожить' — это стандартный антикаузатив от *оживить*, подобный таким глаголам, как *расплавиться*, *нагреться*, *разбиться* и т. д. Семантический процесс, маркируемый во всех этих глаголах суффиксом *-ся* — это выведение агенса из числа обязательных и существенных актантов. Агенса, быть может, и существует в каждой из описываемых ситуаций, но его наличие затушевывается. Тем не менее, в силу внутренней формы слов, носители языка ощущают, что данные глаголы являются детранзитивами, то есть производны от переходных глаголов с агенсом. Этим антикаузативы отличаются от исходно непереходных глаголов — таких, как *ожить*, *потечь*, *закипеть*, *треснуть*, которые подчеркивают самопроизвольность данных событий. Поэтому не исключено, что Эля могла знать русский глагол *ожила*, но употребила антикаузатив, чтобы создать двусмысленность в отношении присутствия агенса, свойственную многим антикаузативам. Допускаю, что в обсуждаемом фильме могло быть какое-то лицо, совершавшее магические действия с целью воскресения Зены.

Существенно, что в данном случае мы имеем дело не со словоизменительным, а скорее со словообразовательным процессом. Разумеется, приоритетными кандидатами на функционирование в режиме хранения/извлечения являются словообразовательные дериваты (отдельные единицы словаря), а не словоизменительные формы. Тем не менее, в рассматриваемом случае мы наблюдаем порождение фактически новой лексемы по готовой модели (ср. [Земская 1992]).

Вообще, подобные случаи, так сказать, частичного вхождения слов в словарь языка достаточно типичны для дериваций, связанных с переходностью. Например, согласно [Young, Morgan 1987], в языке навахо значения 'жесткий продолговатый предмет движется' (неперех.) и 'двигать жесткий продолговатый предмет' (перех.) передаются супплетивными основами *-k'ééz* и *-t't'e'*, соответственно. Однако моя информантка Айрин Сайлентман самопроизвольно породила и непереходную (10а), и переходную (10б) структуры с первой основой, и сообщила, что структура (10б) синонимична структуре с основой *-t't'e'* (10в):

(10) непереходное употребление

а. *tsin náá- k'ééz.*

палка Прэф-ЖПП.двигаться.Перф
Палка упала.

б. [?]*tsin náá- t- k'ééz.*

палка Прэф.1Ед- Перех-ЖПП.двигаться.Перф
Я уронил палку.

в. *tsin náá- t- t'e'.*

палка Прэф.1Ед- Перех-ЖПП.двигаться.Перф
Я уронил палку.

Другие информанты отвергли структуру (10б). Однако регулярность появления такого материала, как (10б) или *оживилась* в разбиравшемся выше примере, заставляет отнестись к проблеме серьезно и признать, что порождение словоформ и даже лексем — активный процесс повседневного использования языка, а принадлежность словоформы или лексемы грамматике или лексикону — гораздо менее однозначный процесс, чем это принято считать.

Заключение

Выше были обсуждены три «сложных» вопроса, которые потенциально способны подорвать исследовательскую программу функционализма: 1) проблема второстепенных моделей и исключений; 2) проблема промежуточных случаев; 3) проблема порождения vs. извлечения из памяти языковых форм и структур. Каждая из этих трех проблем имеет свою специфику, но общий вывод состоит в том, что они заслуживают большего внимания, чем им уделялось до сих пор.

Для современного функционализма характерны рефлексия и обсуждение принципиальных вопросов исследовательской программы и методологии — см. [Кибрик А. Е. 1982; Van Valin 1990; Givón 1995; Tomlin 1997; Kibrik A. E. 1997]. Конечно, в данном очерке была обсуждена лишь малая часть проблем, которые актуальны для функционализма. Здесь не были затронуты некоторые не менее важные вопросы — например, проблема фальсифицируемости функциональных объяснений. Такие объяснения часто строятся по принципу *ad hoc*, и возникает впечатление, что может быть объяснено буквально все — и А, и не-А (это относится, например, к проблеме двух противоположных принципов порядка слов, упомянутых выше в разделе 1.6). Функционализм нуждается в теории систематических объяснений. Продвижение в этом направлении, как и в направлении трех вопросов, рассмотренных выше, является необходимым условием прогресса современной лингвистики.

СОКРАЩЕНИЯ

1, 3 — лицо	Ном[инатив]
I, III — номер согласовательного класса	Перех — показатель повышенной переходности
Ген[итив]	Перф[ектив]
Ед[инственное число]	Преф — префикс нерелевантного значения
ЖПП — жесткий продолговатый предмет	Эрг[атив]
Кауз[атив]	
Конт[эссив]	

ЛИТЕРАТУРА

- Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. М.: Новое Литературное Обозрение, 1996.
- Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992.
- Кибрик А. А. Типология средств оформления анафорических связей. Канд. дисс. М.: Институт языкознания АН СССР, 1988.
- Кибрик А. А. Моделирование многофакторного процесса: Выбор референциального средства в русском дискурсе // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1997. № 4. С. 94–105.
- Кибрик А. Е. Соотношение формы и значения в грамматическом описании // Предварительные публикации ИРЯ АН СССР. Вып. 132. 1980. С. 3–10.
- Кибрик А. Е. Проблема синтаксических отношений в универсальной грамматике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М., 1982. С. 5–36.
- Кибрик А. Е. Лингвистические постулаты // Механизмы вывода и обработки знаний в системах понимания языка. Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 621. 1983. С. 24–39.

- Кибрик А. Е. Типология: таксономическая или объяснительная, статическая или динамическая? // Вопросы языкознания. 1989. № 1.
- Bybee J. Morphology: A study of the relation between meaning and form. Amsterdam: Benjamins, 1985.
- Bybee J., Pagliuca W., Perkins R. Back to the future // Traugott E., Heine B. (eds.). Approaches to grammaticalization. Vol. II. Amsterdam: Benjamins, 1991. P. 17–58.
- Downing P. Word order in discourse: By way of introduction // Downing P., Noonan M. (eds.). Word order in discourse. Amsterdam: Benjamins, 1995. P. 1–28.
- Givón T. Functionalism and grammar. Amsterdam: Benjamins, 1995.
- Hale K. A note on subject-object inversion in Navajo // Braj Kachru (ed.). Issues in linguistics: Papers in honor of H. and R. Kahane. Urbana: University of Illinois Press, 1973. P. 300–309.
- Hopper P., Thompson S. Transitivity in grammar and discourse // Language. 1980. 56. P. 251–299.
- Jaeger J. J., Lockwood A. H., Kemmerer D. L., Van Valin R. D., Murphy B., Khalak H. G. A positron emission tomographic study of regular and irregular verb morphology in English // Language. 1996. 72. P. 451–497.
- Kibrik A. A. Transitivity in lexicon and grammar // Kibrik A. E. (ed.). Godoberi. München: Lincom Europa, 1995. P. 107–146.
- Kibrik A. E. Beyond subject and object: Toward a comprehensive relational typology // Linguistic Typology. 1997. 1. P. 279–346.
- Nichols J. Ingush transitivity and detransitivization // Berkeley Linguistic Society. 8th Regional Meeting. 1982. P. 445–462.
- Shayne J. Some semantic aspects of YI and BI in San Carlos Apache // Hopper P., Thompson S. (eds.). Studies in transitivity. N. Y.: Academic Press, 1982. P. 379–408.
- Stemberger J. P., MacWhinney B. Are inflected forms stored in the lexicon? // Hammond M., Noonan M. (eds.). Theoretical morphology: Approaches in modern linguistics. San Diego: Academic Press, 1988. P. 101–118.
- Tomlin R. Basic word order: Functional principles. London: Croom Helm, 1986.
- Tomlin R. Mapping conceptual representations into linguistic representations: The role of attention in grammar // Nuyts J., Pederson E. (eds.). With Language in Mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 162–189.
- Tomlin R., Rhodes R. An introduction to information distribution in Ojibwa // Chicago Linguistic Society. 15th Regional Meeting. 1979. P. 307–321.
- Tuggy D. On the storage vs. computation of complex linguistic structures: four maxims. Paper presented at the 5th International Cognitive Linguistics conference, Amsterdam, 14–19 July 1997.
- Van Valin R. D., Jr. Functionalism, anaphora, and syntax // Studies in Language. 1990. 14. P. 169–219.
- Van Valin R. D., Jr. A synopsis of role and reference grammar // Van Valin R. D., Jr. (ed.). Advances in role and reference grammar. Amsterdam: Benjamins, 1993. P. 1–166.
- Willie M. Navajo pronouns and obviation. Unpublished Ph. D. dissertation. University of Arizona. 1991.
- Young R. and Morgan W. The Navajo language. A grammar and colloquial dictionary. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1987.